

УДК 484.4

DOI 10.53473/16946324_2023_3

С.Н. Абдуллаев,
д. ф. н., профессор.
Иссык-Кульский государственный
университет им. К. Тыныстанова

Н.Ш. Эркебуланова,
УНПК “Международный университет Кыргызстана”

С.А. Аттокурова,
Нарынский государственный
университет им. С. Наматова

С.Н. Абдуллаев,
ф.и.д. профессор
К. Тыныстанов атындагы Ысык-Көл
мамлекеттик университети

Н.Ш. Эркебуланова,
ОИӨК «Кыргызстан эл аралык университети”

С.А. Аттокурова,
С. Наматов атындагы Нарын мамлекеттик университети

S.N. Abdullaev,
Ph.D., Professor.
Issyk-Kul State University named after K. Tynystanov
sayfulla.abdullayev@list.ru

N.Sh. Erkebulanova,
ERPC “International University of Kyrgyzstan”

S.A. Attokurova,
Naryn State University named after S. Namatov

ТҮРК ТИЛДЕРИНИН СИНТАКСИСИН МОДЕЛДЕШТИРҮҮ: КАТЫШТУУ- МУУНДАРДАН КИЙИНКИ ТҮЗҮЛҮШТӨРДҮН МОДЕЛДЕРИН АНЫКТОО

МОДЕЛИРОВАНИЕ СИНТАКСИСА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ: ИДЕНТИФИКАЦИЯ МОДЕЛЕЙ ПРИЧАСТНО-ПОСЛЕЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

MODELING THE SYNTAX OF TURKIC LANGUAGES: IDENTIFICATION OF MODELS OF PARTICIPIAL-POST-SYLLABIC CONSTRUCTIONS

***Аннотациясы:** Бул макалада түрк тилдериндеги катыштуу-кийин курулуштардын сүрөттөлүшүнө арналган. Түрк тилдеринде шериктешистик жана элчилердин айкалышы абдан жемийтүү. Бирок, алардын теориялык сүрөттөлүшү бүгүнкү күнгө чейин сүйлөө деңгээлинде жүргүзүлүп келген. Пост-артикулярдык конструкциялардын өздөрү коллокациялардын фрагменти катары каралды. Макалада түрк тилдериндеги кошпредикативдик татаал сүйлөмдөр катары катышкан-кийинки составдар чечмеленет. Иштин максаты тилдин негизги бирдик катары катышкан-пост-силлабикалык курулуштарды түшүнүү болуп саналат. Мындай бирдиктерге ылайык, сүйлөөдө чексиз сандагы аналитикалык-синтетикалык типтеги билдирүүлөр пайда болот. Авторлор лингвистикалык моделдөөнүн сүрөттөөчү ыкмасын жана ыкмаларын колдонушат. Бул теориялык жалпылоонун зарыл даражасына жетүүгө мүмкүндүк берет. Сүрөттүү көрсөтүү максатында катыштыгы бар конструкциялардын моделдери атайын формула түрүндө жазылат. Алар ар кандай*

тилдеги сөздөрдүн жардамы менен сүрөттөлөт. Пост-татаал конструкциялардын сыпаттамасына моделдик мамиленин натыйжасы алардын сандык эсептөө мүмкүнчүлүгү болуп саналат. Натыйжада, постуралдык конструкциялардын модели акыркы тизме түрүндө берилиши мүмкүн. Мындай жыйынтыктар келечекте конкреттүү моделдердин ортосунда системалуу мамилелерди түзүүгө мүмкүндүк берет. Модель системалары ар бир түрк тилинде уникалдуу болуп калыптанууда.

Негизги сөздөр: идентификация, курулуш, модель, параметр, пост-билдирүү, катышуучу, татаал сүйлөм, формула.

Аннотация: Данная статья посвящена описанию причастно-последложных конструкций в тюркских языках. Сочетания причастий и послелогов очень продуктивны в тюркских языках. Однако их теоретическое описание, как правило, до настоящего времени проводилось на уровне речи. Сами причастно-последложные конструкции рассматривались как фрагмент словосочетаний. В статье причастно-последложные конструкции интерпретируются в качестве бипредикативных сложных предложений тюркских языков. Целью работы является осмысление причастно-последложных конструкций как существенных единиц языка. В соответствии с такими единицами в речи образуется бесконечное количество высказываний аналитико-синтетического типа. Авторы используют описательный метод и приемы лингвистического моделирования. Это позволяет достичь необходимой степени теоретического обобщения. В целях наглядного представления модели причастно-последложных конструкций записываются в виде специальных формул. Они иллюстрируются при помощи высказываний на разных языках. Результатом модельного подхода к описанию причастно-последложных конструкций является возможность их количественного исчисления. Как следствие модели причастно-последложных конструкций становится возможным представить в виде конечного списка. Такие итоги позволяют в дальнейшем установить системные отношения между конкретными моделями. Системы моделей формируются как уникальные в каждом конкретном тюркском языке.

Ключевые слова: идентификация, конструкция, модель, параметр, послелог, причастие, сложное предложение, формула.

Abstract: This article is devoted to the description of participial-postpositional constructions in the Turkic languages. Combinations of participles and postpositions are very productive in Turkic languages. However, their theoretical description, as a rule, has so far been carried out at the level of speech. The participial-postpositional constructions themselves were considered as a fragment of phrases. In the article, participial-postpositional constructions are interpreted as bipredicative complex sentences of the Turkic languages. The aim of the work is to comprehend participial-postpositional constructions as essential units of language. In accordance with such units, an infinite number of analytical-synthetic statements are formed in speech. The authors use a descriptive method and linguistic modeling techniques. This makes it possible to achieve the necessary degree of theoretical generalization. For the purpose of visual representation, models of participial-post-syllabic constructions are written in the form of special formulas. They are illustrated with statements in different languages. The result of the model approach to the description of participial-post-syllabic constructions is the possibility of their quantitative calculation. As a consequence, it becomes possible to represent the models of participial-post-syllabic constructions in the form of a finite list. Such results allow us to further establish systemic relationships between specific models. Model systems are formed as unique in each specific Turkic language.

Keywords: identification, construction, model, parameter, postposition, participle, complex sentence, formula.

Объектом исследования в данной статье являются причастно-последложные конструкции как отдельный вид полипредикативных (бипредикативных) конструкций в тюрк-

ских языках. Указанные конструкции являются типологически исконными как для тюркских, так и для монгольских языков. Будучи рассматриваемыми на уровне моделей, они показывают отдельный тип (подсистему) полипредикативных единиц языка. Ученые называют их предложениями аналитико-синтетического типа. Представители Новосибирской научной школы лингвистики называют их причастно-последеложными конструкциями. Мы также используем этот термин в своем исследовании.

Причастие в «Словаре лингвистических терминов» определяется как склоняемое глагольное имя [3, с. 363]. Причастия – активно употребляемая форма глагола в тюрко-монгольских языках. Они отличаются своей полифункциональностью. В разных конкретных языках отмечаются разные наборы причастных форм. В основном они дифференцируются по темпоральному значению. Выделяются причастные формы прошедшего времени, настоящего времени, будущего времени, настояще-будущего времени. Например, в уйгурском языке – причастие прошедшего времени на –ган, настояще-будущего времени на –ар [5, с. 314-315]. В киргизском языке выделяется причастная форма еще не осуществившегося действия на –а элек [2, с. 96-110]. Она отмечается только в сибирских тюркских языках [2, с. 96].

Выделяются следующие функции причастий: 1) функция определения 2) функция сказуемого простого предложения; 3) функция зависимого сказуемого в полипредикативном сложном предложении. В контексте нашей работы для нас более интересна третья функция, поскольку именно в этой функции причастия сочетаются с послелогом и другими служебными словами. Например:

Тат. *Балалар зурайган саен, масъалалар күбәйде* ‘По мере того, как дети подрастали, увеличивались проблемы’

В этом примере причастие прошедшего времени на –ган сочетается с послелогом *саен*. Передается значение повторяемости событий, описываемых в главной и зависимой предикативных единицах. Причастие употреблено в роли сказуемого зависимой предикативной единицы, т.е. в инфинитивной форме, в составе которой оно сочетается с соответствующим послелогом, управляющим падежной формой номинатива (именительного падежа).

Послелогам называют «служебное слово (служебный элемент), выполняющее морфосинтаксическую функцию, соответствующую предлогу, но в отличие от последнего находящееся в постпозиции и нередко не обладающее свойством раздельнооормленности» [3, с. 341].

Послелог – это одна из разновидностей служебных слов, составляющих типологическую особенность тюркских и монгольских языков [4; 11, с. 267]. Свое название они получили потому, что сочетаясь со знаменательными словами, следуют за ними в постпозиции. Этим они отличаются от предлогов, например, в русском языке.

Обратимся к определению послелогов на материале тувинского языка. Авторы «Грамматики тувинского языка» пишут: «Послелогом называется неизменяемая служебная часть речи, которая употребляется в синтаксическом сочетании с знаменательным словом (существительным, местоимением и какой-либо именной формой глагола или субстантивированным словом из других частей речи), образует вместе с ним зависимый член предложения, управляемый другим членом предложения (обычно представляющим собой глагольную форму, иногда существительное, прилагательное и т.п.) и поясняющий его в пространственном, временном и различных других отношениях» [6, с. 434].

Послелог связывают не только отдельные зависимые слова со словами, от которых они зависят, но зачастую они выполняют аналогичную функцию в сложном предложении. Послелог связывают предикативные части сложного предложения, выполняя функцию подчинительных союзов [6, с. 435].

Послелог делятся на собственно послелог и функционально близкие к ним служебные имена. Еще Т.М. Мелиоранский отмечал, что к послелогам относятся слова. Имеющие самостоятельное значение *алд, аст, уст* [7, с. 68]. Другие послелог, писал автор, «не

имеют самостоятельного значения – *менен, бери*» [7, с. 69]. Следовательно, фактор изменчивости / неизменяемости маркирует две группы служебных слов. Собственно, послелогои являются неизменяемыми словами, а служебные имена способны присоединять аффиксы падежей и лично-притяжательного оформления [6, с. 434]. Например:

Уйг. *Униң орнига Кумулниң веңи килип, Арсилан хан өз қейнатиси Бугузун бағни бәлгүләди (ХА ОЧ 331) 'Вместо него Арсилан хан ваном Кумула назначил своего тестя Бугузун бека'*
В данном случае послелог *орнига* сочетается с местоимением *у* в родительном падеже.

Еще пример:

Тат. *Салкын көзге яңгыр сөякләргә кадәр үтәп өшетә (АА Т 3) 'Холодный осенний дождь произывает до костей'*

Здесь послелог *кадәр* управляет формой дательно-панравительного падежа.

Послелогои и служебные имена расширяют, дифференцируют и уточняют значения падежей. Они сочетаются со знаменательными словами в форме того или иного падежа. Поэтому говорят о своеобразном послеложном управлении [1, с. 27]. Так, в современном татарском языке выделяются послелогои (бәйләкләр), которые управляют основным, дательно-паравительным и исходным падежами [10, с. 258].

Послелогои и служебные имена могут сочетаться как с именами, так и с причастиями и другими глагольными формами. В целом функционирование послелогов хорошо изучено на уровне простого предложения. Особенно различие по сравнению с функционированием на уровне сложного, полипредикативного предложения заметно на материале монгольского языка [9, с. 38].

Субстантивно-послеложные сочетания функционируют на уровне простого предложения, образуя свою форму [8, с.35], а причастно-послеложные конструкции являются единицами синтаксиса сложного предложения. Другими словами, одни и те же послелогои могут употребляться на двух уровнях синтаксической системы языка. Однако в разных языках встречаются отдельные послелогои, которые могут употребляться только на одном уровне.

В монгольском языке отдельные авторы, обращаясь к причастно-послеложным конструкциям, выделяют 63 послелога [9, с. 38]. При этом они обнаружили, что в сфере ППК употребляются 57 послелогов. Другими словами, на уровне полипредикативных построений употребляется меньше послелогов.

Общая закономерность такова, что отдельные послелогои, используемые в простом предложении, не участвуют в построении ППК. Однако исследователи монгольского языка тем не менее пишут, что «не исключено, что некоторые послелогои могут оформлять только ППК» [9, с. 38]. Наши наблюдения подтверждают истинность таких предположений. Например, в современном уйгурском языке есть такой послелог. Это послелог *сири*. Он встречается только в составе причастно-послеложных конструкций. Например:

Уйг. *Ямгур яққан сири, кочилар патқақ болувәрди 'По мере того, как шли дожди, улицы становились грязными'*

В нашей работе мы рассматриваем причастно-послеложные конструкции на уровне языковых моделей. Под моделью нами понимается научный конструкт, который отражает языковую сущность, согласно которой в речи возможно построение бесконечного множества причастно-послеложных конструкций на уровне речи. Модели, как уже упоминалось выше, можно представлять в научном описании специальными формулами. Например:

Уйг. *Биз эткән чайни ичкәндин кейин, қизлар дәстиханни жиғиштурди 'После того как мы попили аткан чай, девушки убрали со стола'*

В формульной записи модель данного высказывания будет выглядеть следующим образом:

{(Nnom – Tvган//дин кейин) (ГПЕ)} – после того как

Формула данной модели отражает в широком смысле причастно-послеложную конструкцию как сложноподчиненное предложение, а также сочетание причастие на –ган в исходном падеже с послелогом *кийин* как конструктивную вершину всего предложения. Это сред-

ство связи главной и зависимой предикативных единиц. В предложении выражается грамматическая семантика следования события главной части за событием зависимой части. Ср. еще примеры данной модели:

Уйг. *Гәнжү уйғур ханлиги болса Сумбул сулав билән баш қошқандин кейин, қайтидин аиләвий бәхит қучқан (ХА ОЧ 331) 'Сто касается Ганжуйского уйгурского хана то после того, как женился на Сумбул сулав, снова обрел семейное счастье'*

Обратимся к примеру из татарского языка:

Тат. *Үзбез белән алып чыкан икмәк кимегәнә күрә, тирә яктагы авылларда эчелгән әче айрән, тозлы ит безнең йөрәкләрне кимерә (АА Т 4) 'Поскольку осталось мало хлеба, который мы взяли с собой, нам доставляло страдание то, что в окружающих деревнях пили айран и ели вяленое мясо'*

Модель:

{(Nnom ⇔ Tv=ган//на күрә) (ГПЕ)} - судя по тому, как

Еще пример другой модели:

Тат. *Жир шакырдап туңган булуга карамастан, Ташбай ялаңаяк иде (АА Т 18) 'Несмотря на то, что земля сильно промерзла, Ташбай был на босу ногу'*

Модель:

{(Nnom ⇔ Tv=y//га карамастан) (ГПЕ)} – несмотря на то, что

Записывая формулы моделей, мы используем в основном следующие символы и обозначения:

Nnom - имя в номинативном падеже

N 2,3... - порядковые номера косвенных падежей

Tv - основа глагола

⇔ - синтаксическая связь в предикативном узле

() - позиция предикативной единицы

Одним из преимуществ модельного подхода к описанию причастно-последложных построений в языке является то, что модели поддается количественному исчислению. Так, например, в современном монгольском языке выделяется 44 модели причастно-последложных би-предикативных конструкций.

Для целей описания причастно-последложных конструкций в ряде тюркских и монгольских языков целесообразно определиться с различительными признаками или параметрами, в рамках которых мы будем проводить изложение итогов своего исследования. В нашей работе мы руководствовались следующими параметрами при выделении конкретных моделей.

1. Конкретные разряды послелогов и функционально близких им служебных слов.
2. Падежное оформление причастий и отглагольных имен (масдаров) как различительный признак моделей причастно-последложных конструкций.
3. Различие временных форм причастий, которые употребляются с послелогоми.
4. Субъектность как отдельный параметр описания причастно-последложных конструкций. Здесь значимо лично-притяжательная маркировка субъектов в плане моно- или разно-субъектности конструкций.

Рассмотрим каждый из этих «дифференциальных признаков», по которым можно идентифицировать конкретные модели в конкретных тюркских и/или монгольских языках.

1. Конкретные разряды послелогов и функционально близких им служебных слов.

Согласно наблюдениям Е.К. Скрибник и И.В. Ельмаковой, в современном монгольском языке в субстантивно-последложных и причастно-последложных конструкциях задействовано 63 послелога [9, с. 60]. Среди них встречаются как собственно послелогом, т.е. неизменяемые служебные слова-аналоги предлогов во флективных языках, так и служебные имена, которые могут изменяться по пространственным падежам. Отмеченные авторы выделяют среди причастно-последложных конструкций 44 модели, в которых участвуют конкретные послелогом (служебные слова). В современном уйгурском языке мы насчитали 31

модель с собственно послелогоми. Другими словами, в этот список не попали модели со служебными именами и делексикализованными единицами типа *кезде, учурда, тушта, чагда* и др.

2. Падежное оформление причастий и отглагольных имен (масдаров) как различительный признак моделей причастно-послеложных конструкций.

Послелого управляют падежной формой причастия в составе причастно-послеложной конструкции. Если судить по материалам тюркских языков, то причастие в сочетании с собственно послелогоми чаще всего принимают форму исходного падежа, реже употребляются в форме дательного-направительного падежа. Если вместо собственно послелога употребляется служебное имя, то причастие или имя действия становится в форме родительного (притяжательного) падежа.

Падежное оформление причастий часто является различительным признаком моделей. Как отмечают отдельные авторы, в некоторых языках, в частности, в современном бурятском языке с падежным оформлением может быть связано семантическое различие [9, с. 39].

3. Различие временных форм причастий, которые употребляются с послелогоми.

В разных причастно-послеложных конструкциях отмечаются разные временные формы причастий. Так, например, в современном уйгурском языке очень активно употребляется в данной роли причастие прошедшего времени на =ган. Помимо причастий, с послелогоми и служебными именами в уйгурском языке часто употребляется и имя действия на =иш. В киргизском языке активно функционирует причастие настоящего-будущего времени на =ар.

Набор инфинитных форм глагола в каждом языке является различным, и здесь устанавливаются свои системные отношения.

4. Субъектность как отдельный параметр описания причастно-послеложных конструкций.

Здесь значимо лично-притяжательная маркировка субъектов в плане моно- или разносубъектности конструкций. В 1 и 2 грамматических лицах субъект, которому предикативные признаки в предикативных единицах ППК, вполне может быть выражен при помощи аффиксов принадлежности в составе формы причастия или служебного имени.

Таким образом, причастно-послеложные конструкции можно рассматривать как особую разновидность бипредикативных сложных предложений в тюркских языках. В качестве единиц языка они представляют модели, которые можно записывать при помощи специальных формул. В формульной записи моделей используются символы и обозначения, наработанные в новосибирской синтаксической школе. Количество моделей причастно-послеложных конструкций в разных языках насчитывается несколькими десятками.

Список использованной литературы:

1. Абдуллаев С.Н. Сочетания имен с послелогоми в киргизском языке // Морфология имени в сибирских языках. -Новосибирск, 1981. С. 26-36.
2. Абдуллаев С.Н. Причастие еще не совершившегося действия в роли зависимого предиката // Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982. С. 96-110.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. -М.,1969.
4. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982. С.496.
5. Дмитриев Н.Г. Грамматика башкирского языка. -М.-Л., 1949.
6. Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. М., 1961.

7. Мелиоранский Т.М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. ч. 1. Фонетика и этимология. СПб, 1894.
8. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. –М. -Л.: Государственное издательство, 1928.
9. Скрибник Е.К., Ельмакова И.В. К описанию причастно-последложных конструкций мон-гольского языка // Морфология глагола и структура предложения. - Новосибирск, 1990. С. 38-63.
10. Тумашева Д.Г. Хэзерге татар эдэби теле морфологиясе. Казан, 1964.
Назирки заман уйғур тили. Иккинчи қисим. Морфология вэ синтаксис. Алмута, 1966.